

К своим сорока годам внешне неприметный и легко теряющийся среди толпы Мирон Ивушкин слегка располнел, поседел, но, мало внемля суровым и правдивым урокам жизни, по-прежнему наивно взирал на мир ярко-карими глазами, вспыхивающими счастливым светом радости за успехи и удачи окружающих и без стеснения роняющими слезу сочувствия людям, на чьи головы свалились всевозможные напасти и невзгоды. В ущерб личным заботам Мирон не мог отказать любому обратившемуся к нему с какой-либо просьбой, всегда готов был проявить участие, прийти на помощь, поддержать, выручить...

Стас Переметкин — бывший однокурсник Ивушкина, в студенческие годы постоянный член спортивных команд института по баскетболу и волейболу — свалился как снег на голову, вернее, чуть раньше, опережая природные знамения и явления, перед самым Покровом неожиданно образовавшись на пороге квартиры Мирона.

Во время отсутствия жены и дочери, которые часто навещали родственников в соседней области, квартира Ивушкина была больше похожа на гостинный двор, и только съезжал один постоялец, как через самое короткое время непременно заселялся другой.

— Ну вот и я, как договаривались! — не растративший атлетического сложения, с высоты своего двухметрового роста уверенным громким голосом известил Переметкин.

— Стас?! — несмотря на длительную разлуку, сразу же узнав гостя, искренне обрадовался Мирон и с распростертыми объятиями сделал шаг навстречу однокурснику. — Дружище, какими судьбами?!

Экипированный в камуфляжной костюм и обремененный пухлым рюкзаком, с заметно выпирающим по правому боку ружьем в чехле, выдающим новые пристрастия его владельца; цепким, но в то же время несколько отрешенным взглядом, в котором угадывался стратегически выверенный расчет, если не на несколько человеческих жизней, то на пару ближайших лет наверняка; с нерастраченной походной легкостью далекого марша и гвардейским бескомпромиссным напором, Переметкин слегка потеснил Ивушкина и приобнял уже в лоне квартиры, затем дружелюбно похлопал товарища по плечу и покровительственно загремел басом:

— Ну, давай, показывай свои владения!

После беглого знакомства с «нецарскими палатами», так и не объявив о своих дальнейших планах, но наказав, чтобы «берег как зеницу ока его рюкзак и ближе чем на выстрел никого к нему не подпускал», обещав к ужину непременно быть, Переметкин отправился решать какие-то важные и безотлагательные дела.

Во временное отсутствие неожиданного гостя Мирон, как ни напрягался, так и не смог вспомнить, когда и при каких обстоятельствах зазывал Стаса, однако потрудились собрать достойный стол. За ужином однокурсники, большей частью Переметкин, обменивались житейским опытом, яркими впечатлениями и картинами, завоеваниями прожитых лет...

После положенной по армейским законам двойной пайки за выдающиеся физические данные (Стас основательно раздобрел) гость свободно откинулся на широкое стуле, удовлетворенно похлопал себя по животу и уже окончательно поставил хозяина в тупик заявлением:

— Славно ты меня встречаешь, Мирон! Ну, старина, славно мы теперь с тобой и поохотимся!

Образовалась некоторая пауза в разговоре. Ивушкин, как в замедленной съемке, дольше, чем положено даже язвеннику, разжевывал небольшой кусочек рыбного пирога, немигающим взглядом при этом созерцая товарища. Наконец, боясь случайным словом обидеть бывшего однокурсника, Мирон решил уточнить:

— А мы собирались поохотиться?

— Ну как же, на Новый год?! — выразив неподдельное изумление, Переметкин напомнил о давнишней телефонной беседе. — Я тебе пожаловался, что вернулся с охоты пустой. Хоть бы какой самый завалившийся соболек попался! — Стас с обидой шмыгнул носом, вспоминая те злополучные дни промысла, и продолжил цитировать: — А ты говорил, что живешь посреди тайги, что зверья у вас тут всякого разного, а соболей на каждом гектаре тайги по десятку штук! Охотники здесь понапрасну в тайгу не ходят. Настойчиво просил, чтобы я выбрал время и непременно приезжал.

— Да-а-а... — больше удивленно, чем утвердительно протянул Мирон, пытаясь что есть мочи напрячь память, чтобы хоть отчасти, хоть ненамного выплыл из ее закоулков тот далекий разговор, хотя бы какие-то его детали и, что особенно важно, существенные договорные обязательства. Однако растревоженные извилины так и не давали нужной информации, и Ивушкин невнятно, но все-таки промычал согласием:

— А-а-а... Ну, да-да, как же...

— Ну вот видишь. Стареем, брат, стареем, — успокоился заволновавшийся было Переметкин, списав поведение товарища на начинающиеся возрастные изменения с памятью, и добавил: — Так я к тебе приехал на самое открытие охоты. На чернотроп!

...Почти все первое января текущего года Мирон традиционно провел с телефоном, считая своим долгом обзвонить с поздравлениями всех близких и дальних родственников и знакомых. Ивушкин терпеливо слушал их ответные длинные и не очень монологи, радовался успехам и, если нужно было, пытался вникнуть в их специфические, связанные с работой или каким-то увлечением и нерешенные к Новому году проблемы, при этом стараясь давать дельные советы. Этих телефонных разговоров было так много, что всех и не упомнишь. Скорее всего, какой-то подобный разговор состоялся у него и со Стасом, допускал хозяин. Несмотря на то что Ивушкин был ни бум-бум в охотничьих делах, он не мог утверждать, что приглашения с его стороны не было, но в таком случае оно было скорее дежурным, как и положено в новогодние праздники, когда принято блистать радушием и прекрасным настроением...

Довольный обильным ужином и измотавшись в дороге, в дневных заботах и хлопотах, Стас пораньше отправился на боковую, и уже через минуту, как в спальне погас свет, оттуда донесся богатырский храп.

Устроившийся же в гостиной Ивушкин никак не мог сомкнуть глаз. Лезли в голову всякие будоражащие рассудок мысли и недобрые предчувствия про грядущую охоту: «Что это за чернотроп и куда ведет эта тропа... Хорошо, если Стас будет охотиться только на маленькую зверюшку, а если вздумает идти на медведя?..» Потом Мирон опасливо вспомнил, что «в лесу стаями бродят голодные волки, а также водятся рысь». «Но если надо товарищу, я готов на все...» — обреченно жалел себя Ивушкин.

Заснул Мирон лишь под утро, сон его был недолог, но ярок: громадный косягатый и клыкастый медведь заставил его копать берлогу, пообещав съесть, как только он закончит работу. Мирон цеплялся за жизнь, тянул время, старательно углублял звериное убежище, уговорил косолапого сделать отнорок на случай появления охотника и возникновения других непредвиденных обстоятельств, затем тщательно выстилал земляной пол берлоги мхом, сухой травой и птичьим пером из собственной подушки. Но, когда неотвратимо подошло время расплаты со зверем, не выдержал и проснулся в холодном поту...

После крепкого утреннего кофе Переметкин озадачил хозяина новой «общей» проблемой:

— Ну что, давай смотреть собаку!

— Какую собаку? — несколько опешив, переспросил Мирон, заморгав провалившимися после бессонной ночи глазами.

— Какую-какую! Лайку твою. Или она у тебя не одна?

— Одна, — неожиданно вспомнил Ивушкин про своего сторожевого пса, служившего сейчас охранником на небольшой дачке.

— Как зовут? — продолжал пытаться Стас.

— Собачку-то? — переспросил хозяин квартиры и, поняв, что его вопрос просто глуп и неуместен, выдал кличку пса: — Барсик.

Мирон первоначально назвал собаку гордо — Барс. С виду грозный и впечатляющий размерами телосложения, Барс на самом деле обладал спокойным и миролюбивым нравом. Барсиком же его переименовала дочь, которая в детсадовском возрасте выбрала для себя собаку любимой мягкой игрушкой. Постепенно с ее легкой руки новая кличка закрепилась за псом.

Физиономию Переметкина сморщило так, что зажмурились до тонких щелок глаза, как от мучительной зубной боли перекосило и повело челюсть. Так и не вернув мускулатуре лица оптимистического положения, Стас неодобрительно произнес:

— Кто же так называет собак? Это же не кошка! Какой хоть у нее возраст?

— Одиннадцатый год, — на этот раз быстро посчитал настоящий, уже пенсионный для собак возраст четвероногого друга Мирон.

— А-а-а-а... — полубоморочно застонал Стас, будто случайная дробина, от ricoшетив от ствола дерева, впиалась прямо в ахиллесову пятю охотника. Лицо Переметкина на этот раз еще больше съежилось и сморщилось.

— Что, несчастливое число? — виновато забеспокоился Мирон.

— Давно уже несчастливое! Ну удружил! — возмутился Стас. — Зачем же ты мне про охоту дифирамбы пел?

— Да... вот... так получилось... — замямлил владелец жилища.

Чтобы окончательно не разочаровывать гостя, Мирон не стал говорить, что Барсик скорее не лайка, даже совсем не лайка, но, во всяком случае, не кошка, а собака неизвестной породы.

Надо признать, на заре собачьей молодости, когда Мирон выбирался за грибами в лес, он захватывал Барсика с собой и тот, даже случилось, загнал какого-то зверька на дерево. Но так как Ивушкин не увлекался охотой, развития звериные

инстинкты не получили. Барсик приговорен был стать сторожевиком. Как и положено цепной собаке, он поднимал голос на незнакомых, но никогда не проявлял агрессии к случайным прохожим и не покушался на личное пространство кошек и другой живности, еще встречающейся на улочках во время редких свободных прогулок с хозяином на поводке.

Стас пожалел немедленно видеть лайку, и товарищи отправились на дачу.

Небольшой зеленый домик выглядывал из-за невысокого забора. Во дворике у входной двери в дачное «бунгало» стояла деревянная будка, в полукруглое зеву которой тянулась железная цепь.

— Ты что, лайку на цепи держишь? Надо было вольер построить! — возмутился Переметкин.

— Да вот... как-то не успел... — не найдя убедительных аргументов в свое оправдание и не понимая, зачем вообще нужен этот вольер, придумал отговорку Мирон.

При приближении людей собака вылезла из будки, обнаружив совсем не лачный типаж.

Переметкин присвистнул от удивления, затем перевел свой взгляд на Ивушкина и с негодованием в голосе произнес:

— И это ты называешь лайкой?! Здесь ею и рядом не пахло! Это экстерьер чучела!

— Стас, смотри какие у Барса глаза! А морда умная, — подойдя к собаке и поглаживая ее по загривку, имея самое смутное представление о всяких там экстерьерах, не стал сразу сдаваться Ивушкин.

— Да при чем здесь морда?! Тут вообще непонятно что намешано! Глаза круглые. Хвост селедкой и грудь как у носорога. Ты что, сам не видишь? Не те стати. Это не собака — это насмешка над охотником! — продолжал возмущаться Стас. Лицо его при этом все сильнее наливалось пунцовой краской...

Наконец, когда апогей возмущений был успешно преодолен и к лицу охотника стал возвращаться обычный цвет, вопрошая то ли Мирона, то ли обращаясь к охотничьим богам или же просто выражая вслух свои мысли в сложившейся тупиковой ситуации, Стас со стоном выдохнул:

— Можно ли вообще здесь где-нибудь найти нормальную лайку?!

На несколько секунд Переметкин замолчал, как бы прислушиваясь, но, так и не дождавшись ни единого отклика, кроме позвякивания собачьей цепи, сам в ворчливых тонах себе же и ответил:

— Понятно. Где ее найдешь на самое открытие сезона. Все порядочные охотники давно в угодьях! Их собаки рвут и мечут на тропе!

Конечно, Мирону было жаль товарища, но теперь он втайне надеялся, что эта рискованная во всех отношениях охота сорвется.

Однако Переметкин, поблуждав взглядом в неведомых далях и грезах, даже слегка улыбнулся, вспомнив о чем-то добром, но, вновь вернувшись к сложившимся реалиям, посуровел и остановился на Барсике.

— Придется учить ускоренным методом! — вынес свой приговор охотник, хищно блеснув при этом глазами, и тут же зычно повелел:

— Стоять!

Последнее требование относилось к Мирону, который склонился над миской Барсика, чтобы опрокинуть туда содержимое бидончика с собачьим завтраком.

— Отставить кормление! — дал новую команду Переметкин. — Еду надо заработать!

Мирон замер буквою «зю», поддавшись гипнозу волевой команды, затем, так и не накормив собаку, выпрямился, ожидая дальнейших действий и приказаний товарища.

Переметкин снял рюкзак, распустил вязки и, чем-то походя в этот момент на заправского фокусника, способного творить самые невероятные чудеса, с превосходством взглянув на Ивушкина, запустил в «зеленый саквояж» руку, обшарил один угол, другой, наконец-то нащупал и вынул наружу отрезок резинового шланга длиной около фута.

Ивушкин, уверовав в могущество однокурсника, ожидавший гораздо большего дива, с нетерпением ожидал продолжения действия, даже допуская возможность превращения шланга в голубя или, на худой конец, в кролика. Однако Стас вновь запустил свою пятерню во чрево походного баула и на этот раз извлек на свет темную шкурку какого-то зверька и здесь же обмотал ею резину.

— Будем натаскивать на соболя, — объяснил охотник свои манипуляции с рюкзаком и вынутыми оттуда предметами.

Переметкин дал обнюхать собаке «соболиный муляж», а потом с командой «Дай!» отбросил его на несколько метров в сторону. Не дождавшись нужной реакции собаки, Стас еще и еще повторял манипуляции со «звериной обманкой».

Барсик морщил в приветственной улыбке нос, дружелюбно раскручивал в восьмерках хвост, даже тянул лапу, чтобы «поздороваться», но, хоть лопни, не понимал требований и уроков новоявленного учителя. При административно-командном стиле работы с собакой, на который то и дело срывался шумный чужой дядька, Барсик винился, прижимал хвост к брюху и пытался лизнуть в лицо новоявленного дрессировщика.

Но Переметкин был настырный, не отступал и не сдавался. Стас привязал «муляж» к наморднику собаки и на этот раз чередовал хождение собаки с «довеском» и кормлением животного маленькими кусочками колбасы. Наотрез оказавшись от комфортных условий благоустроенной квартиры Ивушкина, охотник заночевал тут же на даче.

Не мытьем так катаньем, неизвестно, какие еще приемы и методы из своего арсенала использовал «дрессировщик», но на следующее утро Барс подбирал брошенную «резинку» и подносил ее к ногам человека. Продолжая развивать собачьи инстинкты и успехи собственной методики натаски собак, Стас усложнил задание. На этот раз Мирон в качестве ассистента «укротителя собак» таскал муляж, привязанный к веревке, а животное должно было его через некоторое время отыскать. Стас, часто повторяя указание «Ищи, ищи!», шел с Барсиком по следу. Через несколько метров, обнаружив «добычу», собака в поощрение получала маленький кусочек копчености. Постепенно расстояние поиска для собаки увеличивалось...

— Практику будем проходить в угодьях, — к вечеру третьего дня отработки у Барса дремавших охотничьих навыков заявил Переметкин.

Надо отдать должное и Мирону, вносившему немалый вклад в копилку будущих охотничьих успехов. Верный своим «принципам» Ивушкин, взяв две недели в счет очередного отпуска, в свободное от дрессуры время занимался вопросами организации охоты. Ему удалось подобрать для нее и подходящее место: знакомый лыжник-ветеран разрешил попользоваться небольшой избушкой, которую они командой спортсменов построили специально для отдыха на марафонских, порой не укладывающихся в один день забегам. Лыжники туда выбирались, только когда местность надежно покрывалась снегом, а сейчас избушка вполне могла приютить двух человек.

Первый день пребывания в тайге собака, опьяненная неограниченной свободой и волей, по-щенячьи бездумно носилась по округе, радуясь запахам и прелестям леса и игнорируя призывы Переметкина активно вести поиски всяких следов и отметин обитателей леса.

Надеяться на случайную встречу с соболем по чернотропу, без помощи лайки, — дело малоперспективное. Мастерить ловушки для одной декады охоты было бы неоправданным и затратным по времени делом. Вечером в избушке Переметкин жаловался и каялся, чертыхался и «шипел», клялся и зарекался, вконец извел мелочными придирками и причитаниями Ивушкина... А к утру, услышав охотничьи «молитвы», небеса разверзлись и таежные просторы присыпало легким белесым пушком, на котором вся ночная и предраассветная панорама жизни как на ладони, в неровных звериных линиях и петлях следов.

Заметно оживившись и взбодрившись от белоснежных предзимних изменений таежных картин, Переметкин жаждал найти свежий соболиный след. Поторапливая со сборами Мирона, он укладывал в рюкзак самое необходимое.

Размеренную сдвойку следа соболя, идущего после охоты на дневную лежку, люди обнаружили только в десятке километров от избушки. Стас загорелся, заазартничал и, отдав команду «поспешайте», убежал вперед, тропя зверя. Мирон старался не отставать от товарища, что у него плохо получалось, так как «якорил» Барсик. Пес, не реагируя на соболиный след, заметно снижая темп передвижения хозяина, дергал поводок в стороны, стремясь обнюхать каждый куст и дерево.

Стаса они догнали примерно через час. Тот выстукивал топориком здоровенную выгнившую изнутри валежину, покоящуюся возле небольшого ключика.

— Тама! — указал рукой на остатки бывшего древесного могущества Переметкин.

Пустотелая колодина стала в этот раз убежищем соболя, где он, судя по всему, намеревался отсидеться до лучших времен. Стас закрыл единственный обнаруженный вход в валежину, а сейчас, откупорив трухлявый кряж, поставив возле него Мирона с небольшой сетью, пытался, подшумев топориком, создать для соболя комфортные условия и вынудить покинуть свое укрытие.

Однако пушной зверек сидел крепко и не желал показываться на свет божий. Тогда, разрубив проем к сердцевине, с другого края полой трухляшки Стас развел небольшой костерок. Дымок пополз по древесной трубе, — соболь не выдержал и рванул наружу. Не имеющий опыта подобных охот, Мирон держал сеть неплотно к дереву, и зверек, найдя брешь, скользнул в нее.

Находившаяся рядом и не разделяющая человеческих страстей собака присутствовала в этом промысловом действии в качестве зрителя. Но вынырнувший из колодины угольно-черный соболь, успешно обойдя сеть и не разобравшись, кто прав, кто виноват, именно в собаке, случайно оказавшейся на его пути, признал самого главного сегодняшнего врага и угрозу и вцепился ей в морду. Барсик, не ожидавший такого вероломства, взвизгнув от боли, что есть силы дернул головой, и соболь, оторвавшись, шмякнулся о землю, но тут же подобрался, вскочил и стал уходить низом.

Барсик, еще приходя в себя, покрутил головой, встряхнув как следует ее содержимое, и впервые за много лет злобно зарычал: он никогда со своей стороны не нарушал хрупкого перемирия с кошками. А тут какая-то малявка-шмакодявка, дурно пахнущая всякими мурками и мурзиками, по своему виду такая же противная, посмела его укусить! Да где это видано, чтобы кошки, пусть и лесные, над собаками верх держали?! Что он, шкура какая линиялая, которую можно на ключья рвать или дыры кому попададя делать?!

И извечная копившаяся собачья-кошачья вражда и непримиримость, проснувшийся азарт четвероногого охотника, унаследованный от далеких диких предков, свободные лесные нравы, где каждый за себя, взорвали прежде мирный нрав Барсика. И пес погнался «черную бестию», желая немедленно отомстить. Гибкий

и верткий соболь лавировал между деревьями, но по скорости не мог соревноваться с собакой и, подбежав к небольшой елке, вынужден был вскарабкаться на ее макушку. Оттуда пушной зверек враждебно урчал на беспрерывно лающую и царапающую ствол дерева собаку, а с подходом людей затаился, надеясь остаться незамеченным в густом зеленом лапнике.

— Гляди-ка, держит! Держит! — восхищенно оценивая злобное тявканье Барса, кричал Стас и, пытаясь разглядеть драгоценного соболька, с ружьем быстро приближался к ели. Вскоре добыча, малость изжужльканная собакой, успевшей перехватить зверька падающим с дерева, была в руках людей.

— Во дает! Ну дает!.. — продолжал давать комплименты развивающейся собачьей страсти Переметкин и слегка перехвалил своего ученика, стремительно превращающегося из безнадежного двоечника в одаренного отличника. Уже почти стемнело, когда люди подходили к избушке, — и снова на белой простыне распадка, пересекая их утренний след, соболиные отметины. Учуяв нового противного лесного кота, Барсик тут же понесся в преследование. Стас и Мирон, понимая бесперспективность ночного тропления зверя, пытались отозвать собаку. Но все больше заражающийся промысловым делом и проявляющий чудеса вязкости Барсик не снялся со следа.

Ночью охотники не раз выходили из избушки, беспокойно выкрикивали Барсика, напряженно прислушивались, не раздастся ли где в далеком распадке ответный собачий брех. Посреди ночи собака подала голос у стен избушки. Барсик принес самостоятельно добытого соболя, оставив его у порога жилища, презрительно посмотрел на людей и, отказавшись от еды, устроил себе спальню на ворохе сухих листьев за избушкой...

— У тебя же две пары ног, а у нас по одной, и куриной слепотой ты не страдаешь. А мы, люди, слабы, испорчены тепличными условиями, а без ружья так и вовсе в тайге пропали бы. Извини, ночью из нас помощники никудышные, — утром вел переговоры Стас с собакой, не желающей общаться с людьми.

К концу полуторанедельного пребывания в таежных угодьях у охотников была добыта дюжина соболей, а Барсик, несмотря на солидный собачий возраст, по-прежнему рвался в бой.

Ивушкин, полной грудью вбирая бодрость леса в размягченную цивилизацией человеческую плоть, окреп духом, помолодел, посвежел, сбросил лишний жирок и, возвращаясь из тайги, пришел к удивительному для себя выводу, что благодарен Переметкину.

Дома, когда стала доступной сотовая связь, Стасу в присутствии Мирона позвонили. Переметкин несколько раз о чем-то переспросил звонившего, а потом закатился от смеха.

Мирон, «гымкая» и покашливая, с нетерпением ждал, когда приятель угомонится и объяснит причину смеха.

— Извини, Мирон, перепутал! — Стас опять громоподобно захохотал, так что задребезжали стекла в серванте и, не сделав обычной передышки, продолжал гудеть холодильник. — Новый год, сам понимаешь, хочется всего попробовать! Приятели зайдут, со всеми да по стопочке и примешь, как отказать... И, видно, переборщил, а в результате все напутал! Видишь, какая штуковина получилась! — Стас опять сорвался на смех и, наконец окончательно успокоившись, объяснил: — Это меня друг из Иркутска на соболиный промысел приглашал. Но мы ведь с тобой так славно поохотились?

— Да, — честно и коротко ответил Мирон.

— Ну, брат, у тебя и собака — зверь! Настоящая лайка! — вынес прощальный вердикт во время последнего посещения Ивушкиной дачи Стас.

При этом Барсик, все время крутившийся подле, пытался с благодарностью лизнуть в лицо своего учителя.

— У него же хвост селедкой и носорожья грудь, — засомневался, вспомнив прежние характеристики собаки, Ивушкин.

— Да брось ты! Самый хороший хвост. Разве в этом дело. Она соболя за километры чует! Не собака — чудо! Подожди, вот весной приеду, я его еще на утку натаскаю! Барсик ты мой! — Стас обнял собаку, так что пес от радости закатил глаза и заскулил.

Барс, переваривая волшебные дни охоты, поскуливал и взлаивал даже во сне, не раз срываясь с цепи, убегал в лес.

Проснулся охотничий инстинкт и в его хозяине. Что-то поменялось в прежних мироощущениях Мирона. Теперь через охотничью призму взглядов на жизнь склонялся он к философии «рационального практицизма». И если кто во время охотничьих приготовлений обратился бы к нему со своей мелочной проблемой, то — извини-подвинься... Проснулся старинный мужской инстинкт добытчика, не ради обогащения и достатка, а для своего самоутверждения на жизненном поприще. Мирон непременно и скоро хотел испробовать себя в новом виде охоты, но время тянулось так медленно. Поэтому он не удержался и, помня обещания «большого» охотника, на новогодние праздники позвонил Стасу:

— Ты как, на весеннюю-то приедешь? Утки в наших местах прорва! А озера на загляденье, одно краше другого!

— Обязательно прикачу! Готовь угодя! — обрадовал товарища Стас и, услышав, как скулит на его голос в телефонной трубке собака, добавил: — Барсику передавай мой привет!

